

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СНГ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕ ОПРАВДАВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Розглянуто досягнення та недоліки економічного розвитку країн СНД після здобуття ними незалежності. Підкреслено імітаційний характер господарського реформування, висвітлено глибинні причини невисокого рейтингу цих країн у світових економічних порівняннях. Наведено зарубіжні оцінки нинішньої ситуації у національних економіках країн регіону.

Время, истекшее после распада Советского Союза, было весьма сложным в экономической жизни всех его преемников, или, по западной терминологии, “новых независимых государств”. Из 15 бывших советских республик в состав Содружества Независимых Государств (СНГ) вошли 12, а три страны Прибалтики сразу же взяли курс на интеграцию в Европейский Союз. В Эстонии, Латвии и Литве, как и в странах Центральной Европы, переход к рыночной экономике совершался под прямым контролем ЕС, пообещавшего им включение в свой состав (ст. 6 так называемых Европейских соглашений прямо предусматривала для каждого претендента на вступление ежегодные и пятилетние оценки со стороны специальной комиссии “прогресса во введении рыночного хозяйства”¹), а также при существенной помощи Запада путем выделения финансовых ресурсов, предоставления льготного режима во взаимной торговле, обучения кадров и т. д. Центральноевропейские страны приступили к преобразованиям на основе в целом вполне сбалансированной экономики, параметры которой требовали лишь определенной, хотя и значительной корректировки в связи с необходимостью выхода из “мирового социалистического лагеря” и включения в общемировое разделение труда.

Заключенные со всеми странами СНГ в начале 90-х годов “Соглашения о партнерстве и сотрудничестве” не предусматривали такие меры прямой помощи, каждая из этих стран должна была осуществлять рыночные преобразования практически только собственными силами, с небольшими льготами со стороны ЕС в виде режима преференций в торговле (Ломейские конвенции 1995–2000 гг. установили для группы развивающихся стран облегченный доступ ряда их аграрных и сырьевых товаров на рынок ЕС; аналог таких преференций для стран СНГ мог быть использован лишь частично в силу отсутствия большинства производимых в тропиках продуктов), в условиях ограниченного допуска продукции черной металлургии, текстильной промышленности, сельского хозяйства на основе жестких квот на импорт, выделения относительно небольших средств технической помощи из фонда ТАСИС и т. д.

Для стран Центральной Европы главную трудность составляла необходимость заменить прежний командно-административный аппарат управления на новый, способный преодолевать внутренние и внешние проблемы функционирования рыночной экономики. Страны же СНГ были вынуждены решать более сложную, триединую задачу: кроме такой замены они должны были обеспечить сбалансированность

¹ EG – Polen – Ungarn. Dokumentation. Europaverlag. Wien – Zürich, 1993, S. 278.

национальных экономик, диспропорции в которых (даже в самом крупном и самодостаточном хозяйственном организме России) стали естественным следствием развала единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, а также на пустом месте сформировать организационные и экономические институты взаимоотношений с мировым сообществом, которые ранее существовали только на уровне общесоюзной центральной власти. В этой связи следует признать, что объективно трансформационный процесс в регионе СНГ проходил в гораздо более сложных условиях, чем в центральноевропейских постсоциалистических государствах.

Кроме того, в истории не было аналога возвращения к предыдущей экономической модели после длительного периода (в данном случае – 70-летнего, против почти вдвое меньшего “директивного” периода в странах Центральной Европы) функционирования прямо противоположной ей системы экономического развития. Подчеркнем, что концептуальные основы рыночных преобразований в странах СНГ, при всех их различиях, испытали преимущественное воздействие таких же преобразований в самой крупной стране региона – России, где реформаторы, как “идеалисты” (Е. Гайдар, Г. Явлинский), так и “прагматики” (А. Чубайс), главную свою задачу видели в ускоренной и радикальной ломке советского хозяйственного механизма, отрицая саму возможность эволюционного развития, которое к этому времени по инициативе Дэн Сяопина уже начало демонстрировать свою эффективность в Китае. На наш взгляд, не противоречит отрицанию эволюционного подхода и затянувшееся на несколько лет решение во всех новых независимых государствах коренной проблемы рыночных реформ – разгосударствления и приватизации собственности. Такая массовая приватизация осуществлялась как самоцель, а не как предпосылка постепенного формирования более рациональной системы хозяйствования с учетом уже достигнутых на предыдущих этапах результатов, вовлечением в этот процесс основной массы населения, оптимизацией унаследованной “тяжеловесной” структуры национальных экономик, использованием возможностей приспособить ее к требованиям мирового рынка, наконец, с приоритетом ощутимой отдачи от новых реалий включения в международное разделение труда для каждого из членов СНГ.

На имевших возможность ознакомиться с опытом западных стран реформаторов-“идеалистов” (Е. Гайдар, например, еще в студенческие годы внимательно изучал “Чилийское чудо” после свержения президента-социалиста С. Альенде, и многие из них, возвратившись из зарубежных поездок, находились под большим впечатлением от контраста между жизнью на Западе и в СССР), тем не менее оказывал влияние и въевшийся в сознание многолетний опыт единообразного поведения производственных структур и массы индивидов в советское время. Вследствие этого в начале реформационного процесса появились внешне весьма привлекательные проекты ускоренных рыночных преобразований, ориентированные на поворот “все вдруг” экономических субъектов (наиболее примечательным в этой связи было предложение Г. Явлинского, изложенное в Программе “500 дней”, полностью перестроить систему хозяйствования). Подобные проекты игнорировали то обстоятельство, что они должны были осуществляться в условиях не монопольного диктата государства, а его отсутствия, после возникновения не подавляемых полностью из единого центра различных и чаще всего противоположных интересов агентов хозяйственной жизни.

Реформаторы-“прагматики” не вдавались в такие теоретические тонкости. А. Чубайс, В. Черномырдин и другие правительственные деятели при поддержке президента Б. Ельцина последовательно проводили политику осуществления “первоначального накопления капитала”, завуалированную лозунгами о всеобщей раздаче государственной собственности путем предоставления населению вауче-

ров, о создании акционерных обществ, для участия в которых у подавляющего большинства граждан не было достаточных денег, о предоставлении свободы в создании собственного бизнеса, — он в основном был вытеснен с поверхности хозяйственной жизни будущими олигархами, экономическими кланами, которые могли пользоваться административной поддержкой, или же набравшими силу криминальными структурами. Введенный в ходе преобразований экономический механизм не был надежно подкреплён необходимыми правовыми нормами, властные структуры, формируя его, имели целью не пользу для всего общества, а обеспечение интересов приближенных к ним бизнесменов. “В результате российский капитализм родился в безвоздушном пространстве, в вакууме, без действующих законов, а государство было настолько ослаблено, что не могло применять имевшиеся законы”, — так оценил период начала преобразований в России американский политолог и журналист Д. Хоффман, и его слова в полной мере можно отнести к аналогичным процессам во всех других странах СНГ².

Нельзя оценить положительно и деятельность тех зарубежных советников, которые привлекались к консультациям во время проведения рыночных преобразований. Это особенно касается проектов реформирования экономики, которые МВФ навязывал странам СНГ как обязательное условие получения ими столь необходимой финансовой помощи. Общеизвестен провал в 90-х годах прошлого столетия таких реформ, разработанных экспертами МВФ и принятых руководством Кыргызстана (о стандартном подходе на Западе к оценке той или иной страны СНГ свидетельствует тот факт, что вплоть до своего свержения в 2005 г. президент А. Акаев пользовался на Западе репутацией “самого последовательного реформатора в регионе СНГ”, благодаря чему Кыргызстан был принят в состав Всемирной торговой организации первым на постсоветском пространстве). Известный грузинский ученый В. Папава посвятил анализу неверных рекомендаций МВФ в отношении Грузии ряд публикаций, в том числе целый раздел коллективной монографии, отдельные параграфы которого детально раскрывают ошибки экспертов этой организации в экономической и политической области, в ценообразовании, специально отметив “ошибки, вызванные стандартным подходом”³. В Украине, Казахстане, Армении и других странах СНГ до середины нынешнего десятилетия работали консультационные представительства ЕС (в Украине — UEPLAC), в большинстве стран региона — официальные консультанты при правительствах, центральных банках и других государственных и частных учреждениях. Нельзя полностью отрицать влияние всех этих зарубежных представителей на понимание национальными властными структурами западных методов хозяйствования и отличия от них аналогичных методов, которые использовались в новых независимых государствах. Однако в самом лучшем варианте практический вклад зарубежных экспертов в рыночные преобразования чаще всего оставался лишь на уровне выслушанных “реформированным” чиновничеством рекомендаций. Деятельность таких консультантов имела больший эффект для пославших их государств или корпораций, позволяя Западу получать информацию о реальном положении в политической и экономической жизни стран СНГ. Характерно, что все зарубежные эксперты до сих пор убеждены в правильности своих рекомендаций и не чувствуют ответственности за негативные последствия проведенных с их присутствием реформ, которые, по их мнению, были извращены местными властями. Об этом прямо пишет Дж. Сакс, указывая, что в осуществлении российских реформ самое

² Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. М., “Астрель”, 2010, с. 18.

³ Беридзе Т., Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ и экономика Грузии. Баку, “Нурлан”, 2004, с. 124–157.

худшее произошло в 1995 и 1996 годах, когда он уже был “только сторонним наблюдателем”⁴.

Д. Хоффман подчеркивает: “После 1992 г. Россию наводнили американские и европейские инвестиционные банкиры и юристы, оказывая помощь в написании Российской программы массовой приватизации, составляя проекты важнейших законов, регламентирующих деятельность компаний, и создавая рынки капитала”⁵. При этом их рекомендации базировались именно на стандартных, перенесенных из опыта других стран подходах к осуществляемым реформам, без учета конкретной ситуации в каждой из стран СНГ. Весьма показательное заявление в этой связи сделал один из главных советников правительств в регионе Центральной Европы и СНГ Дж. Сакс: “Мысленно я относился к России, как к Польше, только вчетверо более крупной стране, возможно, вдесятеро более неподатливой в структурном и культурном отношении”⁶.

В целом же, при определенных отклонениях от российской политики преобразований, принципиально близкие к ней модели рыночных реформ были осуществлены в большинстве стран СНГ. Важнейшие различия заключались в проведении реформ в интересах экономических кланов (Россия, Украина, Молдова, Армения, Грузия) или кланов, построенных по родственно-племенному либо территориальному принципу (государства Центральной Азии). Кроме того, в Азербайджане и других мусульманских странах этого региона на политику реформирования особое воздействие оказали религиозные догматы и связанные с ними установки шариата (правил повседневной жизни); так, сохранение земли в государственной собственности в Узбекистане прямо обосновывается соответствующим положением Корана. Существенно повлияла на ход преобразований в этих государствах также воля “лидеров нации”, которые в первое пятилетие после обретения независимости использовали традиционную патримониальную ментальность населения для построения “под себя” жесткого каркаса политической и экономической власти. Вместе с тем в ряде стран (Туркменистан, Беларусь) до последнего времени осуществлялись лишь частичные реформы с сохранением значительных элементов командно-административной экономики.

В России, Закавказье (кроме Армении), в Центральной Азии – в большей, в Украине – в меньшей степени проявился своеобразный феномен некоего феодального принципа приобретения приватизированной собственности, когда будущие приближенные к центральной власти олигархи (между прочим, в соответствии с полным соблюдением формального законодательства) были наделены ею определенным “феодом” (правом владения) на самые крупные хозяйственные объекты или на право заниматься банковской, страховой, внешнеэкономической и иными видами деятельности. То же происходило и на более низком уровне – между региональной администрацией и местным бизнесом, – естественно, применительно к менее крупным объектам хозяйствования. Если в законопослушных западных странах жестко преследуется связь между политической и административной, с одной стороны, и экономической деятельностью, с другой стороны, то практически во всех странах СНГ именно занятие определенного поста в администрации или партии автоматически приводит к увеличению семейного богатства, даже при наличии формального отстранения чиновников от хозяйственной сферы, – аналоги полностью не имеющего собственности бывшего мэра Москвы Ю. Лужкова и его жены-миллиардерши

⁴ См.: С а к с Д. Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени. М., Изд-во Института Гайдара, 2001, с. 172.

⁵ Х о ф ф м а н Д. Указ. труд, с. 17.

⁶ С а к с Д. Д. Указ. труд, с. 167.

Е. Батуриной многократно и повсеместно продублированы практически во всех постсоветских государствах, включая Украину, Казахстан, Узбекистан.

Не менее важную роль в “экономизации” административного аппарата сыграло его коррупционное сращивание со “своими” — приближенными к чиновникам новыми бизнесменами. Это привело к формированию узкого круга внезапно разбогатевших крупнейших собственников, что наиболее явственно проявилось в России в период президентства Б. Ельцина, а в меньших имущественных объемах — и в других странах рассматриваемого региона. Дж. Сакс отмечает в качестве важнейшего последствия приватизации то, что “коррупцированная группа так называемых бизнесменов, которых впоследствии стали называть новыми русскими, сумела прибрать к своим рукам природные ресурсы стоимостью в десятки миллиардов долларов, — главным образом, месторождения нефти и газа, принадлежавшие российскому государству”⁷. Именно полузаконность получения “феодов” позволяет на протяжении всех прошедших 20 лет сохранять зависимость каждого такого нувориша от государственной власти, которая фактически отождествлена с правящим в стране в данный момент кланом. Наглядным примером этому являются последствия смены политического руководства России, Украины и Кыргызстана для перераспределения собственности, прежде всего крупнейшего и крупного бизнеса (в других странах СНГ такой смены не было, а в Молдове, Армении и Туркменистане политические и экономические процессы гораздо менее взаимосвязаны).

Не говоря уже о Китае и Вьетнаме, но и по сравнению с регионом Центральной Европы, все же более близким по методам осуществления трансформационного процесса, страны СНГ показали гораздо худшие результаты преобразований в экономической жизни. Если в центральноевропейском регионе реформационный кризис завершился за 2–3 года (правда, при прямой поддержке Запада), то в среднем по СНГ он затянулся до конца прошлого века, с началом оживления для большинства участников Содружества в 1996–1997 гг. и с запаздыванием для крупнейших стран региона: в России — до 1999 г., в Украине — до 2000 г. С этим приблизительно совпадают и показатели динамики производства промышленной продукции (более или менее стабильное ежегодное его увеличение колебалось от 1993 г. в Узбекистане до 1999 г. в Украине и России, а в Молдове — даже до 2000 г.), при значительном сочетании прироста и падения в сельском хозяйстве (последние падения производства в этом секторе относятся к 2009 г. для Украины, Армении и Молдовы). Если даже исключить особые показатели неблагоприятного воздействия на экономику кризиса 2008–2009 гг., то на протяжении последнего, в целом благополучного, десятилетия в большинстве стран рассматриваемого региона наблюдалась “рваная” динамика прироста ВВП, с колебаниями от весьма высоких показателей — почти 14% до скромных 2–3% (в Украине показатели варьировались от 12,1% в 2004 г. до 2,3% в предкризисном 2008 г., в России — от 8,5% в 2007 г. до 4,0% в 2010 г.) при высокой стабильности прироста только в Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане⁸. На такую динамику экономического развития новых независимых государств в ее связи с неудовлетворительным ходом реформирования обращают внимание и западные исследователи. Как указывал немецкий ученый Р. Гётц, ввиду того что “рыночные реформы в странах Содружества в 90-е годы осуществлялись медленно, там не может быть и речи об уверенном хозяйственном росте, в отличие от реформационных государств Центральной и Восточной Европы”⁹.

⁷ Там же, с. 172.

⁸ См.: Основные социально-экономические показатели государств — участников СНГ за 1992 (1994) — 2010 годы. Минск, Департамент экономического сотрудничества Исполкома СНГ, 2011, с. 3, 6, 7.

⁹ G ö t z R. Wirtschaftsmacht Russland. “Osteuropa” № 2, 2008, S. 24.

Положительно может быть оценено ускоренное развитие экономики Азербайджана и Казахстана (их ВВП за 1994–2010 гг. увеличился в 32,4 и 12,4 раза, соответственно, при средних показателях для региона СНГ в 5,4 раза), но этот значительный прирост был обеспечен практически только за счет наращивания поставок нефти и других сырьевых товаров Казахстаном и нефти – Азербайджаном (характерно, что самый крупный прирост зафиксирован всего за 6 лет: с 2004 г. по 2010 г. ВВП этой страны вырос в 24,7 раза в связи с началом отдачи от разработок месторождений на шельфе Каспия совместно с мировыми нефтяными ТНК). Вместе с тем экономическая динамика стран, не имеющих таких ликвидных на мировом рынке энергоносителей, гораздо ниже (для Кыргызстана и Молдовы прирост ВВП составил за тот же период чуть более 400%, Таджикистана – 700%). Медленнее, по сравнению с двумя самыми динамичными странами, росли экономические показатели у группы развитых стран региона: за 1994–2010 гг. ВВП Беларуси вырос в 10 раз, России – в 5,3 раза, Украины – в 3,6 раза. При этом сохраняются определенные перепады в доле ВВП на душу населения: по сравнению с самым высоким показателем России (10310 дол. в 2010 г.) относительно небольшое отставание зафиксировано только для Казахстана (8902 дол. при весьма высокой динамике роста этого показателя за последние 5 лет). В Таджикистане доля ВВП на душу населения меньше российского аналога в 14 раз, в Кыргызстане – в 12 раз, в Узбекистане – в 7,5 раза. В том же 2010 г. Украина с ее 2010 дол. ВВП на душу населения отстала не только от России и Казахстана, но и от Беларуси (5684 дол.) и Армении (2848 дол.)¹⁰.

Что же касается международных сопоставлений, то выводы можно сделать отнюдь не в пользу стран СНГ. Даже самый высокий показатель России в 2010 г. был только на уровне Чили, Мексики или Венесуэлы, следующие за ней по уровню ВВП Казахстан, Беларусь, Азербайджан (3830 дол.), Армения и Украина находятся на уровне Албании, Анголы, Туниса и т. д. Соответствующие показатели у Туркменистана составляют 2480 дол., Молдовы – 1470 дол., что относит их ко второй сотне стран мира, а замыкающие этот перечень Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан вообще находятся в группе наименее развитых государств¹¹.

Сравнительно с большинством других стран мира на участников СНГ повышенное отрицательное воздействие оказывают и некоторые другие факторы. Это касается прежде всего коррупции. В мировом рейтинге коррупции среди 178 стран самой благоприятной является позиция Казахстана и Молдовы (показатель 2,9 по 10-балльной шкале, 107-е и 108-е места, то есть на уровне Алжира, Аргентины, Сенегала и др.); с показателями 2,6–2,1 Армения (123-е место), Беларусь (127-е место), Азербайджан (134-е место) и Украина (144-е место) могут быть отнесены к группе стран, куда входят также Мадагаскар, Ливан, Бангладеш, Того и др. У России (162-е место), Таджикистана (163-е место) и Кыргызстана (166-е место) этот показатель равен 2,1–2,0, то есть на уровне Камбоджи, Кении, Лаоса и др. Туркменистан (173-е место) и Узбекистан (174-е место) находятся, соответственно, на 6-м и 5-м местах с конца рейтинга, то есть среди самых коррумпированных стран мира¹².

Не менее отрицательно воздействует на экономическую ситуацию в новых независимых государствах высокая инфляция. Конечно, ее показатели не столь ужасающие, как в начале реформационного периода, когда индекс потребительских цен в 1992–1994 гг. ежегодно возрастал, например, в Армении – в 110 раз, а в других странах – в 10 раз и более. В последнее пятилетие ежегодные темпы инфляции ко-

¹⁰ См.: Основные социально-экономические показатели государств – участников СНГ за 1992 (1994) – 2010 годы, с. 5.

¹¹ World Development Report, 2010. World Bank, Washington, D.C., 2010, p. 378–379.

¹² The 2010 Corruption Perception Index. Transparency International, 2010. (По данным 2011 года Украина откатилась на 152-е место).

леблются в пределах 8–9% (самые высокие показатели среди стран региона отмечены для Украины – 122,3% в 2008 г. и Кыргызстана – 120% в 2007–2010 гг.)¹³. Как указывает американская исследовательница российской экономики Падма Глэдис Десаи, даже в сложнейших условиях противоборства в 2009 г. с кризисом Центральный банк России вынужден был распределять имеющиеся валютные резервы между помощью ведущим банкам, а также монополиям и не менее крупными антиинфляционными расходами (по ее утверждению, в начальной стадии российской антикризисной политики, в I квартале 2009 г., вообще превалировали антиинфляционные мероприятия в ущерб поддержке субъектов хозяйствования)¹⁴, что явно было вызвано боязнью перерастания “ползучей” инфляции в “галопирующую” или даже в гиперинфляцию.

К числу неблагоприятных факторов относится и резкая дифференциация доходов между олигархами и основной частью населения, причем в ряде стран минимальный уровень оплаты труда имел чисто символическое значение (в 2008–2009 гг. она составляла в Кыргызстане 20 дол. в месяц, в Узбекистане – 31,9, в Таджикистане – 48 дол. при наиболее высоких показателях для Украины, Беларуси и России – 311, 250 и 223 дол. в месяц, соответственно, что в 2–3 раза меньше, чем у постсоциалистических стран Центральной Европы, не говоря уже о гораздо более богатых странах ОЭСР)¹⁵. Огромный разрыв в доходах резко ослабляет мотивацию к труду у работников, он вызывает к жизни различные формы их протеста, порождает резкую неприязнь к владельцам крупного капитала и критику поддерживающих их государственных структур. В этой связи закономерны результаты проведенных в России социологических исследований причин кризисов 1998 и 2009 годов, когда именно олигархов обвинили в их “импорте” в страну, соответственно, 25 и 28% опрошенных¹⁶.

Рассмотрение различных аспектов генезиса экономической ситуации в регионе СНГ можно было бы продолжить, но и в отечественных исследовательских материалах, и в работах зарубежных экспертов к настоящему времени уже достаточно полно освещены практически все, преимущественно негативные, последствия рыночных реформ, проведенных в новых независимых государствах.

Наряду с внутренними процессами не может быть признана благоприятной и внешняя среда экономических преобразований рассматриваемых стран. Все 20 лет Запад сохраняет по отношению к ним в целом сдержанную и выжидательную политику, хотя в начале 90-х годов решил такие важные для себя проблемы, как устранение второго в мире военно-политического колосса – СССР, ликвидация его влияния на весь “социалистический лагерь” и многие страны третьего мира, ограничение “расползания” ядерного оружия среди преемников СССР. Самым ярким примером такой сдержанности являются длительные переговоры о предоставлении Украине ассоциированного статуса в Европейском Союзе. То же можно сказать о содержании “Соглашений о партнерстве и сотрудничестве” между ЕС и странами СНГ, а также о таком концептуальном документе, как определившее перспективы сотрудничества ЕС с соседними странами сообщение Европейской Комиссии о “политике соседства” от 11 марта 2003 г. В этом документе, по нашему мнению, четко прослеживается даже больший интерес к южным соседям Европы в

¹³ См.: Основные социально-экономические показатели государств – участников СНГ за 1992 (1994) – 2010 годы, с. 9.

¹⁴ Desai P. G. Russia's Financial Crisis: Economic Setbacks and Policy Responses. “Journal of International Affairs”, 2010, Vol. 63, Issue 2, p. 2.

¹⁵ См.: Заработная плата в мире в 2010–2011 годах. М., Группа Международной Организации Труда для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2010, с. 118–119.

¹⁶ Sociologists' Views of Everyday Life in Russia Under Crisis Condition. “Sociological Research” Vol. 49, № 5, 2010, p. 60.

регионе Средиземного моря, чем к “западным новым независимым государствам” (Украине, Беларуси, Молдове), равно как и к другим странам СНГ, с несколько большим вниманием к России¹⁷.

Не играла, да и не могла в существующей модели сыграть положительную роль для экономического развития постсоветских стран возникшая в декабре 1991 г. их совместная организация – Содружество Независимых Государств. Как показал опыт ее деятельности, положительным является то, что она обеспечила процесс в целом цивилизованного размежевания преемников СССР, вместе с тем не став основой не только их интеграции, но и установления стабильных взаимовыгодных отношений между всеми своими членами. Противоречивость политико-экономических интересов, которые реально отражают позиции правящих в этих государствах кланов, постоянно срывает и продолжает срывать решение общих экономических проблем. Это подтверждают данные о соотношении торговых операций между членами СНГ и с другими странами мира. В 2009 г. совокупный экспорт в государства “дальнего зарубежья” составил 81,4% от общего объема вывоза стран СНГ, данный показатель был самым высоким в Азербайджане – 92,3% (в Украине – 66,1%). При этом только в Беларуси, Таджикистане, Кыргызстане в отдельные годы превалировал импорт из других стран СНГ, восемь других участников организации ориентировались на ввоз товаров из иных регионов мира. СНГ представляет собой в какой-то мере уникальное межгосударственное образование, в котором один участник – Россия по своему политическому и экономическому весу превосходит совокупность всех остальных (доля России в суммарном ВВП региона СНГ несколько уменьшилась – с 79,6% в 1994 г. до 76,3% в 2010 г., что не изменило ее общее превалирование в экономических показателях рассматриваемого региона). В то же время данные о географическом направлении российской внешней торговли (удельный вес экспорта вне СНГ в 2009 г. составил 84,5%, в 2010 г. – 85,0%, соответствующие показатели импорта – 87,0 и 86,2%) не свидетельствуют о реальном существенном вкладе России в поддержку интеграционного курса¹⁸. Все попытки претворить в жизнь концепцию “двухурневой интеграции”, с выделением “интеграционного ядра” и подтягиванием к нему других участников СНГ, не дали положительных результатов. Это относится к Таможенному союзу России, Беларуси и Казахстана (1995 г.), Союзному государству Россия – Беларусь (1999 г.), ЕврАзЭС (2000 г.), договору о “Едином хозяйственном пространстве” (2003 г.); достаточно сложно проходит также оформление Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, провозглашенного в 2010 г., видимые результаты функционирования которого могут проявиться только спустя определенное время его существования.

Таким образом, ни внутри каждой из стран СНГ, ни в их международном окружении за прошедшие 20 лет не были созданы весомые предпосылки для обеспечения глубоких и комплексных экономических реформ. Из-за этого не были устранены в подавляющем большинстве случаев негативные последствия прежнего, советского способа ведения хозяйства; ситуацию усугубила несбалансированность национальных экономик после распада общесоюзного народнохозяйственного комплекса.

Экономика стран СНГ по-прежнему функционирует по экстенсивному типу осуществления хозяйственных процессов, ее основу составляют отрасли тяжелой промышленности, преимущественно сырьевой и энергетической направленности.

¹⁷ Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Commission of European Communities, Bruxelles, 2003. Com. 2003 (104) final.

¹⁸ См.: Основные социально-экономические показатели государств – участников СНГ за 1992 (1994) – 2010 годы, с. 4 (при подсчетах исключены показатели Грузии, которая вышла из состава СНГ в 2008 г.); Внешнеторговые отношения государств – участников СНГ в 2010 году. Минск, Департамент экономического сотрудничества Исполкома СНГ, 2011, с. 5.

Продолжая эксплуатировать созданные ранее в этих отраслях мощности, Россия и Туркменистан, главным образом за счет внутренних ресурсов, а Казахстан и Азербайджан (в последнее пятилетие — и Узбекистан) благодаря привлечению иностранного капитала резко увеличили диспропорциональность своей экономики из-за преимущественного роста востребованной на мировом рынке продукции энергетического и сырьевого секторов. Аналогичной является и ситуация в Украине, с той только разницей, что у нее гипертрофированное развитие наблюдается в менее конкурентоспособных за рубежом отраслях металлургической и химической индустрии. В то же время все другие новые независимые государства, не обладающие возможностями экспортировать продукцию указанных отраслей тяжелой промышленности, находятся в особенно сложном экономическом положении, не сумев обеспечить хотя бы минимальные позиции для своих товаров на рынках внутри СНГ и за его пределами.

Все эти страны, даже Россия с ее огромным потенциалом, не смогли использовать реформы, чтобы обеспечить сбалансированность воспроизводства в национальных рамках: в каждой из них основную часть национального бюджета составляют доходы от внешнеэкономической деятельности, с их опасной зависимостью от мировой конъюнктуры. Особенно четко такая зависимость проявилась в годы последнего экономического кризиса. Например, в России, после десятилетия высокого профицита государственного бюджета, впервые в XXI ст. в 2009 г. был зафиксирован его высокий дефицит, который сохранился и в 2010 г., с некоторым смягчением после повышения мировых цен на энергетические товары. Такую полную зависимость российского бюджета от “энергетических” цен отмечают и российские, и зарубежные эксперты. В частности, П. Г. Десаи, констатируя, что “российский энергетический сектор, который включает в себя нефть и природный газ, создает серьезную часть доходов центрального правительства”, подчеркнула, что частичное ослабление дефицита бюджета в период кризиса 2009 г. было напрямую связано с некоторым ростом мировых цен на продукцию указанных отраслей¹⁹.

Та открытость национальных экономик, которая возникла на основе практически общей для всех стран СНГ модели реформ (кроме Узбекистана и Туркменистана с их “закрытой” до последнего времени экономикой), не может быть признана рациональной, о чем свидетельствует преобладание пассивного торгового сальдо у большинства из них. За 1994–2010 гг. такое сальдо наблюдалось все 17 лет у Армении, Беларуси, Молдовы, 15 лет — у Кыргызстана, 14 лет — Таджикистана, 11 лет — Украины, 7 лет — Азербайджана (при положительном сальдо в последнее десятилетие в связи с расширением поставок “каспийской” нефти), при 1 годе у Казахстана и активном сальдо за весь этот период у России (Узбекистан не предоставляет соответствующие данные с 1999 г., а Туркменистан — с 2004 г.)²⁰.

Приведенные выше показатели демонстрируют еще одну особенность региона СНГ — в настоящее время большая или меньшая сбалансированность национальной экономики характерна только для стран с высоким удельным весом экспорта энергоносителей и продукции горнодобывающей промышленности (Россия, Казахстан, Азербайджан, к которым, по косвенным оценкам, можно присоединить также Туркменистан, а в последние годы — Узбекистан). Такая самая легкая, не требующая сложных кардинальных преобразований экономическая политика, фактически навязанная конъюнктурой мирового рынка, уже в среднесрочной перспективе неминуемо вызовет синдром известной “голландской болезни”, некоторые мероприятия по предотвращению которой проводятся лишь в России и Казахстане.

¹⁹ См.: D e s a i P. G. Указ. труд, с. 3.

²⁰ См.: Основные социально-экономические показатели государств — участников СНГ 1992 (1994) — 2010 годы, с. 12–16.

Для модернизации экономики стран СНГ первостепенное значение мог бы иметь выход на инновационный путь развития, но, к сожалению, инновации отвергаются их нынешней экономической моделью. Можно привести ряд отдельных положительных примеров успешного применения инноваций в экономике наиболее развитых стран региона, но даже там они не стали имманентной и массовой составляющей экономических процессов. Существующий механизм хозяйственной деятельности отторгает не только свои, но и зарубежные, многократно проверенные опытом, высокоэффективные научно-технологические разработки, новейшие формы инновационных институтов – технопарки, технополисы, внедренческие центры и т. д. Проблемы неудовлетворительного использования инноваций достаточно полно исследованы учеными стран СНГ и их зарубежными партнерами²¹, поэтому ограничимся только констатацией существующей ситуации в этой области. Экономические реформы не смогли обеспечить в регионе СНГ той обязательности использования инноваций, которая характерна для передовых стран мира. Даже в России, где на протяжении последних 5 лет настойчиво проводится курс на инновационное развитие, определенные результаты достигнуты только в государственном секторе на основе прямых заказов ВПК, космической отрасли, в рамках крупных государственных структур (Объединенной авиастроительной корпорации и др.). При сохранении существующего положения в востребовании инноваций может остаться инородным телом в экономике этой страны и создаваемая ныне российская “Силиконовая долина” в Сколково.

Новые независимые государства подошли к своему 20-летию с разными итоговыми результатами. В целом в регионе СНГ четко выделяются две группы стран – с более или менее устойчивым экономическим положением (Россия, Украина, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, а также Узбекистан) и с крайне сложной ситуацией (Таджикистан, Кыргызстан, Армения, Молдова); особое состояние экономики наблюдается в Беларуси, последние события в которой (взрыв цен в 2011 г., разбалансирование хозяйственного механизма и т. д.) показали “искусственность” той устойчивости национальной экономики, которая долгие годы базировалась на получении сверхльгот от России в обмен на повышенную лояльность со стороны белорусского руководства, отмененных при нынешних проявлениях самостоятельной позиции президентом А. Лукашенко. Как уже указывалось, линией раздела между этими двумя группами стран выступает наличие или отсутствие возможности поставлять на мировой рынок энергетические и сырьевые товары (для Украины – продукцию черной металлургии и химии). Иными словами, для обеих групп ситуация в национальной экономике зависит от внешнего фактора, к тому же не от наличия в экспорте товаров более высокой степени обработки, которые должны были бы превалировать в структуре производства и вывоза после двух десятилетий экономических реформ. При этом на протяжении всего периода самостоятельного развития “сложные” страны рассматриваемого региона находятся в стабильно кризисной ситуации. Уже цитированный грузинский ученый В. Папава, характеризуя первое десятилетие самостоятельного строительства национальных экономик, даже использовал такой термин, как “некроэкономика”, то есть “омертвленная экономика”. Следует все же признать, что в последние годы они несколько улучшили свое экономическое положение, которое, однако, может быть охарактеризовано уже известным термином “пат-экономика”, применяемым к экономике стагнации, неспособной динамично развиваться без привнесения внешних финансовых и материальных ресурсов. К сожалению, в этих странах нет достаточно привлекательных объектов для крупных

²¹ Данной проблеме посвящен ряд публикаций и автора этой статьи, в частности, анализ различий в использовании инноваций в СНГ и других странах приведен в журнале “Экономика Украины” № 6, 2010.

иностранных вложений, а помощь со стороны МВФ, Всемирного банка и других фондов может обеспечить только минимальную выживаемость.

Кризис 2008–2009 гг. обнажил еще один парадокс общей ситуации в рассматриваемом регионе — от него сильнее всего пострадали страны, которые все же дальше других продвинулись по пути рыночных преобразований. Наибольшее падение ВВП в 2009 г. зафиксировано в Украине (на 14,8%), затем идет крайне неустойчивая экономика Армении, а за ней самая стабильная ранее российская экономика (падение на 7,8%); резко упал прирост ВВП по сравнению с предкризисными показателями у Казахстана (с 18,8% в 2007 г. до 9,5% в 2008 г., 6,2% в 2009 г. и 7,0% в 2010 г.). Наибольшим же приростом во время кризиса характеризуется экономика Азербайджана — страны с высоким уровнем прямого влияния государства (увеличение ВВП на 9,3%), а также двух стран, где сохранились директивные рычаги в экономике, — Узбекистана (+8,1%) и Туркменистана (+6,1%), которые и в 2010 г. показали наивысшие в СНГ темпы прироста ВВП (соответственно, 8,5 и 9,2%)²². Международная организация “Economic Intelligence Unit” в декабре 2009 г. даже причислила эти две страны к претендентам на вхождение в пятерку самых динамичных государств мира. Означает ли это преимущество несколько модернизированной командно-административной экономики перед рыночно-ориентированной? Ни в коем случае! Сложившееся положение свидетельствует лишь о том, что реформационные мероприятия, проведенные в России, Украине и Казахстане, носят частичный и фрагментарный характер, а сформированный на их основе механизм не адекватен потребностям хозяйствующих субъектов этих стран.

В настоящее время становится ясно, что в наиболее развитых странах мира классический капитализм XIX–XX ст. перерастает в некий иной общественный уклад, с чем связано множество попыток терминологически обозначить сущность этого явления. Вместе с тем в ряде стран существует “прежний” капитализм с различными национальными оттенками, с большими или меньшими включениями информационных технологий, инноваций и других элементов уже более высокого уклада. Вряд ли кто-либо осмелится утверждать, что даже в наиболее развитых странах СНГ уровень экономического и в целом общественного развития соответствует параметрам посткапитализма. Но неизбежен и другой вопрос: построен ли вообще в этих государствах на основе проведенных реформ капитализм?

В этой связи мы согласимся с профессором Международной академии современных знаний (г. Обнинск, Россия) П. Ореховским, который пришел к выводу, что “многочисленные дряхлеющие реформы и государственные программы являются, по сути, имитационными”²³. Этот вывод можно распространить не только на сферу инноваций и не только на Россию, а в более широком плане — на все новые независимые государства и их современный экономический механизм. По нашему мнению, в регионе СНГ сегодня существует “квазикапитализм”, или “прокапитализм” (от лат. “pro” — вместо). Да, в этих странах уже наработана система рыночных законов, созданы соответствующие зарубежным аналогам институты. Однако практика их использования весьма далека от модели реального капитализма, прежде всего в ее рафинированной англосаксонской форме, или же от принятой в ФРГ и странах Северной Европы. Влияют ли, например, на повышение конкуренции имеющиеся почти во всех странах СНГ антимонопольные ведомства? Конечно, нет, они не могут затронуть деятельность приближенных к власти монополистов, а во многих случаях вообще используются для ослабления или вытеснения неугодных

²² См.: Основные социально-экономические показатели государств — участников СНГ за 1992 (1994) — 2010 годы, с. 3.

²³ См.: Ореховский П. Власть и инновации (почему в России не получается построить инновационную экономику). “Общество и экономика” № 8-9, 2009, с. 116.

этой власти предпринимателей. То же можно сказать о хозяйственных судах, налоговой системе, антикоррупционных органах и т. д., конечно, в разной мере приверженных “телефонному праву” в каждой из стран СНГ.

И вообще, существующий тип современной экономической модели может быть охарактеризован в качестве “государственно-зависимого капитализма”, если вновь указать на отождествление государства с находящимся у власти в данный момент кланом. В средствах массовой информации приводились многочисленные примеры прямого вмешательства государственных органов (правда, с использованием судебных инстанций) в устранение из хозяйственной сферы бизнесменов путем их ареста, например, владельца концерна “Юкос” М. Ходорковского в России или передела собственности при смене высшего эшелона власти в Украине. “Огосударствление” квазикапиталистической системы хозяйства достаточно четко отмечено и западными исследователями экономических процессов в СНГ. Так, характеризуя отношение бывшего президента, а ныне премьера России В. Путина к финансово-промышленным группам, Марта Олкотт (США) пишет, что, по его убеждению, эти группы “должны действовать в определенных рамках, установленных государством, и если они служат государству так, как оно от них ожидает, то, в свою очередь, могут рассчитывать, что и впредь будут владеть своими активами”. А далее еще определеннее: “ ... Путин рассматривает осуществляемый ими (то есть ФПГ. — В. Б.) контроль над российским имуществом как некую форму опеки, из которой управленцы и “собственники” могут свободно изымать прибыль. Ясно также, что Путин не считает такое управление *полным распоряжением собственностью* (курсив М. Олкотт. — В. Б.), как это представляют на Западе, где собственники осуществляют полный контроль над своим имуществом и имеют право определять, в каком направлении продвигать свои фирмы”²⁴. Высокий уровень “огосударствления” экономики с наибольшей силой проявляется в странах, где много лет не сменяются руководители государства (это страны Центральной Азии, кроме Кыргызстана, Беларусь, Азербайджан), но и в Украине, с ее периодической сменой верхнего эшелона власти, сохраняется преемственность позиции каждого нового руководства в таком “огосударственном” подходе к опеке над бизнесом.

Подводя итоги, отметим, что в особо сложных условиях страны СНГ сумели все-таки существенно продвинуться в экономическом развитии, осуществить более или менее успешные изменения в своем вновь создаваемом хозяйственном комплексе, уйти от прежнего малоэффективного командно-административного управления экономикой. Но несомненно, что успехи были бы гораздо весомее, если бы страны СНГ отказались от “имитационной” модели осуществления рыночных реформ.

Заложенные на протяжении 20-летия “полуреформ” основы хозяйственной жизни стран СНГ уже устоялись, их трудно будет сломать сугубо экономическими методами. Главную роль в решении этой сложной и не терпящей отлагательства проблемы может сыграть политический фактор — выход на реальную демократизацию общества, обеспечение действительного влияния населения на все уровни законодательной, исполнительной и судебной власти, построение такого гражданского общества, которое во многих других странах обеспечивает самовоспроизводство рациональных экономических и политических процессов. В условиях осложнения общей экономической ситуации в мире, вызванного глобальными рецессионными явлениями, без кардинальной перестройки своих экономических и политических основ пространство СНГ останется одним из наиболее уязвимых регионов планеты.

Статья поступила в редакцию 28 сентября 2011 г.

²⁴ См.: О л к о т т М. Владимир Путин и нефтяная политика России. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы, № 1, 2005, с. 11.